

Та ночь была беспокойной для Тан Сяотана. Ему снилось, что хозяин говорит, что он ему не нужен. Маленькая конфетка громко плакала и бежала за хозяином, бежала, бежала и вдруг превратилась в большого мальчика, который сзади обнял хозяина.

Он обнимал того, о ком мечтал днём и ночью, кого любил до мозга костей, и, рыдая, говорил:

— Господин Сы, не бросайте меня.

Я постараюсь стать лучше, стать человеком, который сможет стоять с вами наравне.

Во сне он старался: усердно получал стипендию, усердно проводил ночи за экспериментами, усердно лечил людей, усердно получал возможность стажировки в лучшей больнице города Цзин, изо всех сил пытался стать лучше.

Однажды, случайно, Сы Ханьцзюэ из-за приступа головной боли пришёл в больницу к уже ставшему молодым заведующим отделением старшему товарищу Цую, но того не было на месте. В коридоре он увидел раздражённо хмурящегося господина Сы и осторожно предложил сначала осмотреть его.

То был первый раз, когда он столкнулся с головной болью Сы Ханьцзюэ. Помощник Цзян Юй, узнав, что он изучает китайскую медицину, с улыбкой пошутил: западная медицина не помогает, все возможные аппараты использованы, в мозге нет затемнений, нет патологий, можно диагностировать только как психологическое заболевание.

А китайская медицина ведь может делать массаж, возможно, поможет облегчить.

Тан Сяотан видел только свои тонкие, белые, чистые руки, дрожащие, осторожно лежащие на голову хозяина.

Слегка жёсткие волосы были непослушными, кололи ладони, вызывая лёгкий зуд. Среди густых прядей исходило удивительное тепло.

Это же господин Сы.

Тан Сяотан застенчиво улыбался, хотел как следует подразнить хозяина.

Память была немного спутана. Во сне Сы Ханьцзюэ, казалось, почувствовал его шалость, обернулся и устремил на него взгляд. Большой мальчик снова превратился в мармеладного мишку размером с половину ладони. Хозяин сомкнул ладонь и поймал маленькую конфетку в кулаке.

— Сяотан, опять не слушаешься, да?

Сы Ханьцзюэ с улыбкой в глазах нежно погладил его пальцем по щеке. Тан Сяотан лежал на ладони хозяина и звонко смеялся, но вдруг сказал:

— Хозяин, твоя головная боль — не психологическое заболевание, возможно, это отравление травяным ядом!

Как у любого видящего сон, эта мысль возникла из ниоткуда, словно капля чернил, упавшая на чистый лист, быстро захватив все мысли Тан Сяотана.

Смутно он понимал, что это, должно быть, редкий травяной яд, в лёгкой дозе, будто ребёнок случайно съел что-то не то, нечаянно откусил кусочек.

Хотя и не смертельный, но повредил нервы мозга. С годами, по мере самовосстановления организма, остался только побочный эффект в виде головной боли.

Головная боль и тяжёлое психологическое давление чередовались, постепенно превращаясь в то, что со стороны казалось биполярным расстройством.

Но хозяин во сне, услышав это, казалось, очень рассердился, бросил его и ушёл.

Тан Сяотан плакал и бежал за хозяином, умоляя жалобно:

— Хозяин, не бросай конфетку.

Бежал, бежал, а кто-то толкнул его сбоку, и Тан Сяотан упал в ледяной пруд.

Ему было так холодно! Одежда пропиталась водой, тяжёлая, тянет на дно. На поверхности воды не было света, огромная темнота накрыла его, поглотила.

Вода на коже замерзала тонкой ледяной коркой, казалось, даже сердце заморозилось.

Если бы не дело Гу Пэна, он, возможно, навсегда считал бы, что всё это лишь сон.

Он такой маленький, с момента пробуждения его оберегал хозяин, разве мог ему сниться такой кошмар?

[Би-бип!]

Звонкий гудок машины вернул рассеявшиеся мысли Тан Сяотана. Они уже были у офисного здания. Цзян Юй совсем не заметил, что мармеладный мишка витал в облаках, припарковал машину и повёл Тан Сяотана к боссу.

Сы Ханьцзюэ только что закончил собрание и отдыхал в кабинете.

Мужчина прикрыл глаза, пальцы с чёткими суставами держали сигарету. С бесстрастным лицом он разглядывал вид из окна.

В кабинете специально сделали панорамное окно. Из-за высокого этажа обзор был особенно широким, взглядом можно было охватить весь город. Свет разрывал облака, отражаясь в его глазах и на лице. Пушистые облака плыли в синем небе, почему-то все были похожи на медвежонка.

Точь-в-точь как его мармеладный мишка.

Эта яркая картина разбилась, как звёздная пыль, собравшись в его взгляде, будто белый медвежонок озорно бежал к нему в зрачках.

Сы Ханьцзюэ тронул уголок губ. Дым, вырвавшийся из его губ, нёс особый табачный аромат, медленно уплывая в окно и растворяясь в хрустальном воздухе.

Воздух был холодным, без единой сладкой нотки. Без Тан Сяотана кабинет казался особенно пустым, без тепла.

Если бы его маленькая конфетка была здесь...

Он как раз тосковал по розовой конфетке, мёдовая сладость которой проникала в самое сердце.

Если бы эта любимая мармеладная конфетка вдруг появилась перед ним — не раньше, не позже, именно в этот момент...

Какое же это было бы прекрасное везение.

Только Сы Ханьцзюэ подумал об этом, как снаружи постучал Цзян Юй:

— Босс, можно войти?

Сы Ханьцзюэ вдруг очнулся, ощутив такое же волнение, как ребёнок, ждущий окончания уроков, чтобы пойти домой.

Он встал, произнёс:

— Входи, — и в тот миг, когда Цзян Юй открыл дверь, розовый мармеладный мишка тут же выскочил из его кармана, подпрыгнул, словно маленькая розовая звёздочка, и, оставляя за собой шлейф насыщенного сладкого аромата, бросился к нему в объятия!

Сы Ханьцзюэ уверенно поймал Тан Сяотана. Мармеладный мишка расставил ручки, прильнул к коже хозяина и сделал глубокий вдох, а потом начал тереться об него, урча.

От трения и одежда, и щёки стали сладковатыми.

Цзян Юй закрыл дверь и усмехнулся. — Словно я тебя обидел.

— Нет-нет, — Тан Сяотан чмокнул хозяина в подбородок. — Просто конфетка... просто очень сучала по хозяину, очень-очень сучала!

Сы Ханьцзюэ отлепил от себя мармеладного мишку и посадил на плечо, затем поднял взгляд. — Что случилось?

Цзян Юй почтительно доложил о встрече с Гу Пэном.

Он самовольно устроил Гу Пэна в отеле, принадлежащем Сы Ханьцзюэ, что было связано с определённым риском. Если Сы Чэн раскроет это, дело Гу Пэна станет несмываемым пятном на репутации Сы Ханьцзюэ.

Но риск — это возможность. Цзян Юй, говоря о работе, всё излагал чётко. В конце концов, столько лет рядом с Сы Ханьцзюэ, он не стал бы легко вредить его интересам.

Сы Ханьцзюэ, поглаживая мягкую, упругую, как желе, головку Тан Сяотана, одобрительно кивнул. — Хорошо сделал.

Цзян Юй улыбнулся, взглянул на мармеладного мишку, уютно устроившегося в ямке на шее босса, и решил пока утаить историю о том, что Гу Пэн учуял аромат Тан Сяотана.

Не было достаточной уверенности, нельзя было говорить опрометчиво.

Взгляд Цзян Юя на Тан Сяотана становился всё глубже.

Через мгновение он, проявив понимание ситуации, нашёл предлог и вышел.

Там, где была конфетка, холодный воздух мгновенно окрасился в розовый сладкий ореол.

Сы Ханьцзюэ, по кому тосковали, вздрогнул зрачками, взгляд смягчился, и он терпеливо слушал, как его маленькая конфетка подробно рассказывает, как сильно она по нему скучала.

Тан Сяотан, засунув ручки, сидел напротив хозяина и слово за словом спрашивал:

— Хозяин, ты же не бросишь конфетку, правда?

Сы Ханьцзюэ моргнул.

Тан Сяотан тихонько вздохнул. — Великий союзник говорит, дело Гу Пэна навредит хозяину, да?

Сы Ханьцзюэ тихо фыркнул. — Не навредит, каждый получает своё.

Он щёлкнул мармеладного мишку по головке. — Тебе не стоит об этом беспокоиться.

— Но конфетка тоже хочет помочь хозяину! — возразил Тан Сяотан. — Великий союзник говорил, что сейчас у хозяина и того Сы Чэна конкуренция. Конфетка очень волнуется за хозяина.

— Да, — Сы Ханьцзюэ слегка прищурился. — Завтра вечером благотворительный аукцион, нас обоих пригласили.

Тан Сяотан выпрямился: 0.0

Тан Сяотан:

— Конфетка может пойти?

— Ты пойдёшь? — усмехнулся Сы Ханьцзюэ. — И что ты там будешь делать?

— Конфетка может помочь тебе! — Тан Сяотан засуетился на столе. — Конфетка хочет помочь!

Тан Сяотан волновался так, что его маленькое тельце покраснело. Он хотел сказать хозяину, что видел страшный сон, в котором понял: головная боль хозяина — не психологическое заболевание, а результат чужого злого умысла!

Но это же всего лишь сон.

Воспитанная и послушная мармеладная конфетка не может принимать сны за чистую монету и создавать хозяину проблемы.

Он был как мальчик-подросток, у которого появилась тайна: внутренне измученный, но не знающий, как рассказать об этом взрослым.

Он знал только одно: конфетка хочет защитить хозяина.

Своим собственным, конфеточным способом!

Хозяина, вероятно, вовлекут в дело Гу Пэна, и на благотворительном аукционе тот Сы Чэн непременно нападёт на хозяина!

Мармеладный мишка расплакался, тягучим плаксивым голоском, обняв палец Сы Ханьцзюэ и потираясь об него, хныкал:

— Хозяин, возьми конфетку с собой, возьми конфетку с собой...

<http://bllate.org/book/15589/1395476>